

Алексей Прокопчук
Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku

О КЛАССИФИКАЦИЯХ ПОЛОЖЕНИЙ ВЕЩЕЙ

1. Исследуя какое-нибудь языковое явление, лингвист выбирает определенную систему координат, которая должна стать инструментом для лучшего решения проблемы. Такой системой может быть взгляд на иерархию категорий и единиц, актуализируемых в процессе вербальной коммуникации, понимание того, что в этой иерархии является определяющим, а что — определяемым, что для лингвистического исследования есть исходным, а что находится на самом низком (хотя и не менее важном) уровне языковой системы.

В настоящее время в описаниях языковых систем или их фрагментов, в теоретических грамматиках встречается два главных подхода. Для первого в качестве исходных единиц служат различительные признаки фонем и сами фонемы как строительный материал, из которого создаются морфемы, морфемы как строительный материал слов и словоформ и т.д. В конце этой цепочки часто находится текст как образование, состоящие из простых и сложных предложений. Если речь идет о грамматиках определенного языка, то в этом случае имеем грамматики со структурой «Слово» — «Предложение» — «Текст». Для приверженцев второго подхода текст, дискурс находятся не вне грамматики и не в конце ее, а в ее начале (Rehbein 1984, 103; Rehbein 2001, 938; Weinrich 2001, 301; Wilkoń 2002, 118–120; Awdiejew, Hebrajska 2004, 105, 123; Darski 2004, 18–31; Kiklewicz 2006, 336–340). Соответствующие грамматики — ср. специальный анализ грамматик немецкого языка, содержащих главу/главы о тексте (Hennig 2001) — характеризуются в таком случае структурой «Дискурс/Текст» — «Предложение» — «Слово».

Предположительно существуют лингвистические проблемы, при решении которых выбор того или иного взгляда на иерархию языковых категорий и единиц не является релевантным, но имеются и такие проблемы, адекватное решение которых во многом зависит от того, что для исследователя в вербальной коммуникации является исходным,

как он видит обусловленность образований, возникающих в процессе коммуникации. К этой второй группе проблем среди прочего относится, безусловно, семантика предложения, типология положений вещей/пропозиций/ситуаций (англ. *states of affairs*, нем. *Sachverhalte*, *Sachverhaltstypologie*), в рамках которой говорится о положениях вещей, выражающих/описывающих состояние, процесс, действие/деятельность, свойство, являющихся утверждениями о событии, бытии и др.

2. Семантикой предложений, классификацией положений вещей занимаются как исследователи, применяющие подход «снизу вверх», так и исследователи, применяющие подход «сверху вниз». Первые проблему классификации положений вещей, как правило, связывают с проблемой классификации предикатов/глаголов (и имен/аргументов). Особенно часто это случается в так называемых вербоцентрических грамматиках/исследованиях. Предполагается, что на основе предикатов/глаголов состояния создаются предложения, описывающие состояния, на основе глаголов действия/деятельности — предложения, описывающие действия/деятельность и т.д. Подобный подход используется, например, в известной монографии Ю.С. Степанова *Имена — Предикаты — Предложения. Семиологическая грамматика*, содержащей таксономию имен и таксономию предикатов. Таксономия предикатов выступает в качестве определяющей относительно типологии предложений, ср. название раздела «Основная таксономия по предикатам. 10 категорий — 10 типов предложений» (1981, 149).

В качестве следующего примера можно привести поле русских глагольных предложений в монографии З. Новоженовой, в котором от центра к периферии различаются следующие модели предложений: I. модели действия и движения с акциональными предикатами, II. модели процессов с функтивными и статуальными предикатами, III. модели состояния со статуальными предикатами, IV. модели процессов с экзистенциальными (функтивными) предикатами, V. модели бытия с экзистенциальными предикатами, VI. модели со значением характеристики, отношений, классификаций с простыми глагольными и аналитическими предикатами, в состав которых входит глагол (2001, 89, 109 и сл.).

Х.Ю. Херингер, подчеркивая, что предикат является опорой (*Stütze*) в толковании семантики и структуры предложения, сначала группирует типы немецких предложений по валентности предиката, а внутри одно-, двух-, трехвалентной групп различает следующие модели: I. *existieren*-Modell, *handeln*-Modell, *sein*-Modell; II. *machen*-Modell, *haben*-Modell, *nehmen*-Modell, *verbrauchen*-Modell, *verändern*-Modell, *wahrnehmen*-Modell, *stehen*-Modell, *gehen*-Modell, *geschehen*-Modell, *bewirken*-

Modell; III. *geben*-Modell, *sagen*-Modell, *stellen*-Modell, *ausstatten*-Modell (Heringer 1989, 132-136).

Авторы выборочно представленных выше классификаций положений вещей и предикатов/глаголов ориентируются прежде всего на то, чтобы по возможности полно отобразить все явления языковой действительности и в меньшей степени заботятся о логической прозрачности и непротиворечивости своих классификаций (ср., например, классификацию Херингера, которую можно было бы дополнить еще другими моделями, например, III. *nennen*-Modell, IV. *lohn*-Modell: *Du hast mir meine Liebe schlecht gelohnt* — Ты заплатила неблагодарностью за мою любовь и т.д.).

2.1. Авторы других классификаций четко подают критерии, признаки, по которым классифицируются положения вещей, предикаты/глаголы. Так, С. Дик классифицирует положения вещей (states of affairs) и глаголы на основе двух пар признаков: <+динамический> — <-динамический> и <+контролируемый> — <-контролируемый>, что дает четыре типа положений вещей:

- 1) действие (Action), <+динам.>, <+контр.>
- 2) процесс (Process), <+динам.>, <-контр.>
- 3) положение (Position), <-динам.>, <+контр.>
- 4) состояние (State), <-динам.>, <-контр.>

В качестве примеров приводятся соответственно следующие предложения: 1. *Mary cooked the potatoes.* 2. *The potatoes are cooking.* 3. *John stood on the table.* 4. *The table stood in the corner* (Dik 1981, 34).

В более новой версии данной классификации учитывается еще одна пара признаков: <+телический> и <-телический>, в результате чего классификация положений вещей на первом уровне разграничения содержит две группы положений вещей: I. ситуация (Situation) II. событие (Event).

Ситуации подразделяются на 1. состояние (State) (<-динам.>, <-контр.>) и 2. положение (Position) (<-динам.>, <+контр.>).

События подразделяются на две подгруппы: 1) действие (Action) и 2) процесс (Process). В свою очередь действие включает а) совершение (Accomplishment) (<+динам.>, <+контр.>, <+тел.>) и б) активность (Activity) (<+динам.>, <+контр.>, <-тел.>). К процессам же относятся а) изменение (Change) (<+динам.>, <-контр.>, <+тел.>) и б) динамичность (Dynamism) (<+динам.>, <-контр.>, <-тел.>) (Dik 1989, 97–98).

Аспектуальный признак в классификацию положений вещей (situations) вводит также Е.В. Падучева, получая по сравнению с классификацией глаголов З. Вендлера (accomplishments, achievements, processes, states) (1967) более разветвленную классификацию глаголов

и ситуаций (автор подчеркивает: скорее ситуаций, чем глаголов), включающую восемь видов. Первая подгруппа — это статические ситуации: а) вневременные свойства/отношения (states): *вместать, весить*; б) ингерентные состояния (inherent states): *болеть*. В группе динамических и контролируемых ситуаций Падучева различает а) нетерминативную активность (activity): *гулять*; б) терминативное/собственно действие/совершение (action proper/accomplishment): *открыть*; в) достижение (achievement): *найти*. Аналогичные виды различаются и в группе динамических неконтролируемых ситуаций: а) нетерминативная, ателическая активность (activities), процессы: *кипеть*; б) терминативные, телические процессы (accomplishments): *растаять*; в) события (happenings/achievements): *лишиться* (Paducheva 1995, 75–76).

Привлечение иных критериев приводит к возникновению несколько иных классификаций положений вещей. А. Штойбе, опираясь на положения М. Крипки (Krifka 1989), делит положения вещей на первом уровне на состояния (Zustände) и события (Ereignisse) на основе признаков <гомогенный> — <гетерогенный>. Состояния гомогенны в том смысле, что в каждой точке времени имеется то же положение вещей (Teilsachverhalt), что и суммарное. Иначе обстоит дело с событиями, для которых характерно то, что в разных точках времени имеются различные частичные положения вещей: *Ваза упала на пол* (= Ваза движется вниз. Ваза на полу). Состояния подразделяются на а) статальные положения вещей (statale Sachverhalte): *Es liegt Schnee* — *Лежат снег*, б) процессы: *Es regnet* — *Идет дождь*, в) активность (Aktivitäten): *Peter klopft Nägel in die Wand* — *Петр забивает гвозди в стену*. События подразделяются на 1) собственно события: *Die Vase fiel auf den Boden* — *Ваза упала на пол* и 2) каузированные события/действия: *Peter stieß die Vase auf den Boden* — *Петр толкнул вазу на пол*. Собственно события и действия могут быть в свою очередь а) совершениями (accomplishments), выражающими путь изменения, но не результат: *Peter bügelte sein Hemd* — *Петр гладил свою рубашку* или достижениями (achievements), выражающими результат изменения: *Peter findet eine Taxihaltestelle* — *Петр (наконец) находит остановку такси* (Steube 1997, 213–214).

Автор данной классификации не учитывает, что процессы как состояния могут быть гетерогенными (*Белье сохнет; Человек стареет*), а события (achievements) в их языковом выражении — не гетерогенными, а атомарными, несуммарными: *Петр заметил монету*. Это положение вещей не содержит частичных положений вещей (Teilsachverhalte), как некоторые иные событийные положения вещей.

2.2. Слабой стороной подобных классификаций является то, что они нередко не покрывают полностью фактического языкового материала.

Пытаясь с помощью одной из таких классификаций установить, какие положения вещей образуют семантическую основу украинской народной сказки, мы можем иметь трудности с определением положения вещей в предложении *Були собі дід та баба*, так как утверждения о бытии отсутствуют во многих классификациях, построенных на основе поданных выше признаков.

Следующим слабым местом такого рода классификаций есть перенесение обозначений классов глаголов/предикатов на положения вещей и наоборот, в результате чего предложения типа *Петр читает/прочитал объявление* считаются предложениями действия, предложения типа *Небо было красным* — предложениями состояния, а предложения типа *Девочка (быстро) растет* — предложениями, обозначающими процесс. В действительности же предложения с так называемыми глаголами действия не обязательно выражают действие, они могут выражать и свойства: *Уже в возрасте 3 лет Петр читал газеты*. Таким образом, два предложения с одним и тем же глаголом могут типологически быть разными. Предложение *Однажды Петр прочитал объявление* описывает определенное событие ряду других событий, а предложение *Уже в возрасте 3 лет Петр читал газеты* характеризует определенное лицо. Семантическая разница в этой паре предложений не обусловлена разницей видовых значений. Аналогичное предложение с глаголом совершенного вида также может быть характеристикой, частью описательного фрагмента текста: *Уже в возрасте 3 лет Петр прочитал все учебники своей сестры*.

По поводу пропозиции с глаголом *расти*, нем. *wachsen*, авторы *Словаря нарратологических понятий* пишут, что нельзя абсолютно определить (ориентируясь на классификацию глаголов Вендлера), выражает ли пропозиция типа «она растет» (*sie wächst*) состояние или изменение, это можно сделать только отсылаясь к контексту. В последовательности высказываний *Она маленькая — Она растет — Она становится большой* пропозиция *она растет* представляет изменение, трансформацию. В последовательности же *Она растет — Она пьет волшебное средство — Она не растет* данная пропозиция выражает динамическое исходное состояние, предсостояние (Hühn et al. 2006, 12).

Ряд исследователей (Демянков 1983; Klein, von Stutterheim 1987, 168; Demjankov 2005) приводит примеры текстовых событий в форме предложений, содержащих предикаты состояния, предикаты с отрицанием, которые с формальной точки зрения не должны бы выступать в тексте в этой функции: *Plötzlich war der Himmel rot — Вдруг небо стало (буквально: было) красным; Und dann kam er einfach nicht — А он попросту*

не пришел. И, наоборот, предложения с событийными предикатами типа нем. *geschehen, erfolgen*, как убедительно показано в работе (Schatte 1991, 48), не обязательно являются утверждениями о событиях, они могут быть и высказываниями о свойствах (Eigenschaftsaussagen): *Das Öffnen der Türen beim Halten des Zuges geschieht automatisch* — *Двери при остановке поезда открываются автоматически* (буквально: *открытие дверей происходит автоматически*).

Некоторые исследователи, занимающиеся классификациями положений вещей, обращают внимание на отсутствие прямой связи между семантикой глагола и типом положения вещей/пропозиции и отрицают обоснованность семантических классификаций глаголов типа классификации Вендлера. Одной из первых свое критическое отношение к классификации глаголов на глаголы действия, процесса и состояния выразила В. Бренненштуль. Она приходит к выводу, что нельзя сказать об определенном глаголе, обозначает ли он состояние или процесс, так как всегда можно привести контрпримеры, в которых он употреблен иначе. Единственное, что мы можем установить, это то, употребляется ли данный глагол в определенном типе предложения для описания состояния или для описания процесса и др. (Brennenstuhl 1975, 94).

В работе (Eisenberg 1994, 31) прямо ставится вопрос о том, имеются ли в немецком языке подклассы глаголов, которые обозначают состояния, процессы и т.д. и которые соотносятся с предложениями, обозначающими состояния, процессы, и дает отрицательный ответ на этот вопрос. К аналогичному выводу приходит Х. Шатте (Schatte 2000).

Из вышесказанного следует, что попытки построить типологию положений вещей/пропозиций, привязанную к семантической классификации предикатов/глаголов не дают положительного результата. Вместе с тем в таких исследованиях были выработаны некоторые процедуры, тесты, которые помогают определить, в каком значении употреблен или может быть употреблен тот или иной глагол. К таким тестам относится, например, так называемый СЛУЧИТЬСЯ-тест, возможность употребления рассматриваемого предложения в качестве ответа на вопрос «Что случилось?» Суть этой процедуры сводится к проверке сочетаемости предложения с поставленной в препозиции фразой *Случилось, что...* (нем. *Es geschah/passierte/ereignete sich, dass...*). В подобном контексте возможно предложение «Однажды Петр прочитал объявление», но невозможно предложение «Уже в возрасте 3 лет Петр читал газеты/прочитал все учебники своей сестры». Аналогичный результат получим, проверяя возможность употребления этих предложений в качестве ответа на вопрос «Что случилось?». С помощью ДЕЛАТЬ-теста, ПРЕДНАМЕРЕННО-теста, которые применяются после СЛУЧИТЬСЯ-теста,

устанавливается значение действия, подвидов действия (Brennenstuhl 1975, 88–93).

3. Привлечение подобных процедур — это попытка каким-то образом исправить методологическую ошибку, возникающую в результате избрания подхода от «от части к целому», «от предиката к типу положения вещей». Данные процедуры позволяют в какой-то степени преодолеть отсутствие опоры на дискурс, текст, благодаря им вводится хотя какой-то контекст. Они косвенно показывают, что важным фактором, определяющим тип прочтения предложения является контекст, тип дискурса, тип фрагмента текста, в котором данное предложение выступает, и что существует взаимосвязь между типом дискурса и семантическим типом предложения.

Не удивительно, что подход «от части к целому» нередко резко критикуется лингвистами, исходящими в своих исследованиях из дискурса, текста. И. Ребейн, высказываясь о семантико-синтаксической обусловленности предложения типом дискурса, указывает на бессилие (*Ohnmacht*) лингвистики, аргументирующей исключительно на уровне изолированного предложения (и в крайнем случае учитывающей предыдущее и последующее предложения) по сравнению с дискурсной лингвистикой (*Diskurslinguistik*). Он считает, что при определении функций предложения опора на соответствующий тип речи методологически необходима (Rehbein 1984, 103).

По мнению Г.А. Золотовой, семантическая общность фрагментов текста (сверхфразовых единств) проявляется среди прочего в отборе соответствующих синтаксических моделей и в распределении тема-рематических ролей. Между типовыми значениями текстовых фрагментов и характером рематической доминанты существует взаимосвязь. Так, фрагмент текста со значением описания места характеризуется предметной рематической доминантой, фрагмент со значением динамики действия — акциональной, со значением состояния (природы, среды, лица) — статальной и т.д. (1979, 113–133).

В работе (Beaugrande 1997, 60) указывается на распространенность ошибочного взгляда, согласно которому семантику текста можно описать на основе семантики предложений или даже семантики слов, и что содержание текста является простой суммой содержаний предложений и слов, из которых он состоит.

4. Функционально-прагматический подход в синтаксисе предполагает, что языковые единицы рассматриваются как средство к достижению определенных целей. Они соотносимы со специфичными моментами в коммуникативной интеракции, языковые средства чувствительны к условиям коммуникации (Hoffmann 2003, 12). Предложения же вне

контекста дают недостаточное представление о коммуникативных условиях, в которых они были употреблены, и не могут быть достаточно точно идентифицированы. Если мы знаем, что глагол в предложении употреблен в презентной форме, то это еще не значит, что этой формой выражено актуальное настоящее. Точно так же наличие в предложении глагола действия не дает оснований для заключения, что перед нами предложение действия. Мы видим в этом случае только внутреннюю форму (в понимании А.А. Потебни), представление, на основе которого возникло предложение, а не его истинное назначение в тексте.

В научном тексте, например, лингвистической статье, говорится прежде всего о свойствах предметов, явлений языковой действительности. И трудно ожидать, что в таком тексте будут использоваться событийные предложения, типичные для нарративных текстов. Но если такие предложения и употребляются (ср. *Сразу после 2-й мировой войны автор опубликовал свою знаменитую статью...*), то они не влияют на степень научной адекватности данной статьи и не относятся к ее переднеплановой информации, их наличие факультативно. Предложения с событийными предикатами в описательном фрагменте рассказа воспринимаются как характеристики, как предложения о свойствах, качествах: (*Она была красивой и самостоятельной, отличалась решительностью и смелостью.*) *Однажды она дала пощечину даже самому директору.*

Изложенное выше свидетельствует о том, что при исследовании семантики предложения подход от типа дискурса к семантическим типам предложения, типам положений вещей является более перспективным, чем подход от типов предикатов/глаголов к типам положений вещей. Семантика предикатов определяет не столько функционирование предложений, сколько их внутреннюю форму. Таким образом, семантические характеристики предложения обусловлены двумя факторами. С одной стороны, имеется ориентированность предложения на тип дискурса, и в этом случае можно было бы считать, что нарративный текст состоит из событийных и несобытийных положений вещей. С другой стороны, нельзя игнорировать внутренней формы положения вещей, а это значит, что среди событийных положений вещей дальше можно различать такие, в основе которых лежит утверждение о событии (*Случилось несчастье*), описание события как действия, как процесса, как состояния (*Однажды Петр прочитал объявление, Лед таял, Ребенок самостоятельно стоял на ногах*). Аналогичные подтипы и некоторые другие (бытие, свойство/качество, количество) могут быть выделены также в группе несобытийных положений вещей, в описательных и комментирующих положениях вещей.

Литература

- Демянков, В. З. (1983), «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста. «Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка», т. 42/4, с. 320–329.
- Золотова, Г.А. (1979), *Роль ремы в организации и типологии текста*. В кн.: Золотова, Г.А. (ред.), *Синтаксис текста*. Москва.
- Новоженова, З. (2001), *Русское глагольное предложение: структура и семантика*. Słupsk.
- Степанов, Ю.С. (1981), *Имена — Предикаты — Предложения. Семиологическая грамматика*. Москва.
- Awdziejew, A., Habrajska, G. (2004), *Komunikatywizm — paradygmat lingwistyki XXI wieku*. В кн.: Kiklewicz, A. (ред.), *Paradygmaty filozofii języka, literatury, teorii tekstu (pogranicza metodologiczne)*. Słupsk 2004, с. 105–124.
- Beaugrande de, R. (1997), *Text Linguistics, Discourse Analysis, and the Discourse of Dictionaries*. В кн.: Hermans, A. (ред.), *Les dictionnaires spécialisés et l'analyse de la valeur*. Louvain-la-Neuve, с. 57–74.
- Brennenstuhl, W. (1975), *Handlungstheorie und Handlungslogik. Vorbereitung zu einer sprachadäquaten Handlungslogik*. Kronberg.
- Darski, J. (2004), *Linguistisches Analysemodell. Definitionen grundlegender grammatischer Begriffe*. 2., völlig neu bearbeitete und ergänzte Aufl. Poznań.
- Demjankov, V. (2005), *Medienereignisse aus linguistischer Sicht*. В кн.: Kallmeyer, W., Volodina, M.N. (ред.): *Amades (Arbeitspapiere und Materialien zur deutschen Sprache. Institut für Deutsche Sprache)*. № 2. Mannheim, с. 29–45.
- Dik, S. C. (1981), *Basic Principles of Functional Grammar in Syntax and Semantics*. New York.
- Dik, S. C. (1989), *The Theory of Functional Grammar. Part I. The Structure of the Clause*. Dordrecht.
- Eisenberg P. (1994), *Grammatik der deutschen Sprache*. 3. Aufl. Stuttgart.
- Henning, M. (2001), *Textkapitel in Grammatiken*. «Deutsch als Fremdsprache» XXXVIII/2, с. 85–89.
- Heringer, H. J. (1989), *Lesen lehren lernen: Eine rezeptive Grammatik des Deutschen*. Studienausgabe. Tübingen.
- Hoffmann, L. (2003): *Einleitung*. В кн.: Hoffmann, L. (ред.), *Funktionale Syntax. Die pragmatische Perspektive*. Berlin–New York, с. 1–17.
- Hühn, P., Kiefer, J., Schönert, J., Stein, M. (2006), *Narratologisches Begriffslexikon*. <http://www.icn.uni-hamburg.de/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=73> (2007.04.21).
- Kiklewicz, A. (2006), *Język — Komunikacja — Wiedza*. Мінск.
- Klein, W., Stutterheim Ch. von (1987), *Quaestio und referentielle Bewegung in Erzählungen*. «Linguistische Berichte» № 109, с. 163–183.
- Krifka, M. (1989), *Nominalreferenz und Zeitkonstitution. Zur Semantik von Massentermen, Pluraltermen und Aspektklassen*. München.
- Paduceva, E.V. (1995), *Taxonomic Categories and Semantics of Aspectual Opposition*. В кн.: Bertinetto, P.M. et al. (ред.), *Temporal Reference, Aspect and Actionality*. Vol. I: *Semantic and Syntactic Perspectives*. Torino, с. 71–90.
- Rehbein, J. (1984), *Beschreiben, Berichten und Erzählen*. В кн.: Ehlich, K. (ред.): *Erzählen in der Schule*. Tübingen, с. 67–124.
- Rehbein, J. (2001), *Das Konzept der Diskursanalyse*. В кн.: Brinker, K., Antos, G., Heinemann, W., Sager, S.F. (ред.): *Text- und Gesprächslinguistik. Linguistics of*

- Text and Conversation. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung.* 2. Halbband. Berlin–New York, с. 927–945.
- Schatte, Ch. (1991), *Geschehensbehauptungen im Deutschen. Eine Darstellung ihrer Semantik.* Katowice.
- Schatte, Ch. (2000), *Sachverhaltstypologie im Verhältnis zu Aspekt und Aktionsarten.* В кн.: Капны, А. (ред.), *Aspektualität in germanischen und slawischen Sprachen.* Poznań, с. 63–68.
- Steube, A. (1997): *Der russische Aspekt und die Ereignisrolle des Verbs.* В кн.: Junghanns, U., Zybatow G. (ред.), *Formale Slavistik.* Frankfurt am Main.
- Vendler, Z. (1967), *Verbs and Times.* В кн.: Vendler, Z. (ред.), *Linguistics and Philosophy.* Ithaca, с. 97–121.
- Weinrich, H. (2001), *Tempus. Besprochene und erzählte Welt.* 6., neu bearb. Aufl., München.
- Wilkoń, A. (2002), *Spójność i struktura tekstu. Wstęp do lingwistyki tekstu.* Kraków.

Aleksei Prokopchuk

TYPOLOGIES OF STATES OF AFFAIRS

Summary

A number of typologies of states of affairs/situations/propositions have been proposed in the literature. Those typologies differ in many ways. In a bottom-up approach, the types of verbs/predicates as individual base elements are first specified in great detail. Behind each class of situations stands a class of verbs. In a top-down approach, an over-view of the system, of the type of discourse or text as phenomena of human communication and interaction is first undertaken. The analysis constitutes an attempt to show the inadequacy of the accounts using an approach to the whole as a sum of its parts.

Aleksiej Prokopczuk

TYPOLOGIE STANÓW RZECZY

Streszczenie

W literaturze przedstawiono wiele typologii stanów rzeczy, spraw czy sytuacji, które pod wieloma względami różnią się między sobą. W artykule tym szczegółowo określone są wpraw, zgodnie z podejściem indukcyjnym, typy czasowników/predykatów jako elementy podstawowe. Za każdą kategorią sytuacji stoi odpowiednia klasa czasowników. Z kolei podejście dedukcyjne pozwala na podjęcie próby omówienia systemu, typu dyskursu czy tekstu w ramach zjawiska ludzkiej komunikacji i interakcji. Analiza ma na celu wykazanie nieadekwatności typologii przy zastosowaniu podejścia do całości jako sumy jej części.